

Людмила Перцева

Испытание на прочность

сборник рассказов

Москва, 2019

16+

Людмила Перцевая

**Испытание на прочность.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Перцевая Л. Н.

Испытание на прочность. Сборник рассказов / Л. Н. Перцевая — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Житейские коллизии постоянно испытывают людей на прочность. Одни при этом оказываются способны на преступления, другие – на подвиги; одни готовы к подвижничеству и любви, другие – к приспособленчеству. Сборник рассказов Людмилы Перцевой именно об этом. Они разные: - страшные, но с убедительными и достоверными подробностями; - остроумные, казалось бы нелепые, но столь знакомые нам по жизни; - фантастичные, но такие притягательные свежим взглядом на нас самих; - смешные и трогательные, заставляющие задуматься о смысле всего сущего. Написано хорошим литературным языком, иронично, но и с глубоким чувством.

Содержание

1. Сотканный из ветра	5
2. Неотправленные письма	8
3. Удачное замужество	11
4. Стечение обстоятельств	13
5. Чистый разбой	16
6. Чужую беду руками разведу	18
7. Дело житейское	24
8. Вскрыть сейф с алмазами	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

1. Сотканный из ветра

Ему снился горячий ветер. Сон этот не имел ни очертаний, ни цвета, только осязание. Напор горячего степного воздуха крепко обжигал кожу лица, заставлял щуриться; он привык, но упрямо шагал вперед. Этот напор ветра, травного, чуть отдающего лошадиным потом, гречихой, дегтем и еще черт знает чем, но таким родным, его самого суть составляющим, был ему приятен. Он и себя, молодого, веселого, красивого, не видел, только ощущал частью степи. Он не видел отцовой хаты, не видел лица матери, но этот горячий запашистый ветер переполнял его той давней жизнью с такой силой и болью, что он заплакал. И проснулся.

Лизавета похрапывала безмятежно на соседней подушке, разметав черные волосы. Жена, мать его сына, вроде бы тоже близкий человек, но совсем из другой жизни. За стеной что-то хряпнулось об пол, и гундосым голосом запел пьяный сосед. Видать, кувыркнулся с табуретки. Степану стало нестерпимо душно, маленькая комнатка в общежитии даже через стенки давила его многолюдьем, человеческой вонью, чужими заботами, какой-то мышшиной возней. Он потихоньку выбрался из-под одеяла, сунул босые ноги в валенки, прикрыл дверь, вышел на крыльцо.

С вечера круживший обильный снегопад утих, улегся пышным покровом на улицы, заборы, занес бараки. Побелела и зубчатая стена леса, подступившая со всех сторон к рудничному поселку. Небо прояснилось, и ночная его чернота ярче сияющих сугробов сверкала, густо высланная звездами. Полная, оглушительная, вымороженная до космических высот тишина наполнила душу тоской. Здесь, в мире без запахов и родных звуков, для него не было жизни. Он не мог об этом говорить с женой, с мужиками на работе, с сестрой, которая и вообще-то была бабой жалкой и глупой, он не мог об этом даже думать словами. Он это ощущал всем своим существом, должно быть, поэтому так навязчиво и часто во сне мучили его ароматы степи.

Кинув «беломорину» в сугроб, он, дрожащий от мороза и невнятного бешенства, вернулся в дом. Какие-то дикие обвинения колотились в голову – в адрес каких-то неясных тех, или неизвестного того, или несправедливой судьбы: «Убили, просто убили, раздавили – не встать...»

И тут же угрюмо и зло сказал вслух: «А это еще посмотрим, встать или не встать».

С той ночи он как-то сильно переменился, даже мужики, товарищи по бригаде, заметили поселившееся в нем ожесточение, как-то опасливо стали его сторониться. Первым делом Степан ходил в управление рудника, написал заявление, что хочет строиться. Там не возражали, отвели участок на новой улице, даже отдали только что разобранный избу – бывшую контору. Перевез бревна, выкопал яму под будущий подвал, выложил из камня фундамент. К лету дом уже стоял, не бог весть какое сооружение, но посередине выложена была огромная печь с лежанкой, многочисленными дымоходами, выходящая теплыми белыми боками во все четыре комнатенки. Хозяин уже понимал, каково зимовать в этих краях!

Лиза радовалась, что он загорелся обустройством – и вместе с тем в душе ее поселилась безотчетная тревога. Степан стал замкнутее, сосредоточеннее на каких-то своих внутренних мыслях. Он словно бы что-то задумал, но ей там, внутри этих дум, места не было. Он с нею не советовался, не шутил, выдавал лишь готовые решения. Вдруг скажет:

– Завтра на рынок пойдем, надо поросенка взять, за лето свое мясо вырастим.

Или неожиданно спросит жену:

– Где соседи семена берут? Давай, готовься грядки копать, без огорода какая жизнь, не прокормимся. В магазинах-то овощи только по сезону, а жрать круглый год хочется.

И Лиза кидалась искать семена, опрашивать соседок, что тут, на северах, вообще за короткое лето вызревает. Оказалось, очень даже многое, лето было хоть короткое, но уж картошка – моркошка росли. Лиза даже инициативу проявила: взяла десяток цыплят, там, гля-

дишь, и свое воспроизводство наладится. И робко мужу намекнула, что неплохо бы и сарай, и баньку свои срубить, в городскую общую ходить далеко, да и противно. Он согласно кивнул, через неделю привез машину горбыля, рулоны рубероида, несколько бревен для остова.

Год и другой прошли в строительных хлопотах. На работе тоже все у него шло своим чередом. Степан ушел из бригады, не любил он ковыряться в забое, давила его нависающая кровля. Стал механиком участка, потом – шахты. Раньше почему-то свою квалификацию по механической части не обнаруживал. Не собирался здесь оседать. Теперь осваивал насосы, подъемные механизмы, лебедки, скиповое хозяйство. Вот уж где у него всё ладилось! Через это свое пристрастие к технике он даже в героях оказался. Правда, поневоле, через большое несчастье.

Случился на той шахте, где он работал, прорыв воды при проходке, не катастрофический, но один горизонт залило полностью. Горняки, что работали в забоях, оказались отрезанными, надо было срочно откачивать воду, а залитый водой насос чихнул – и заглох. Степан, как упертый, несколько раз нырял к нему, дергал, крутил, на ощупь что-то там подвинчивал, – и ведь затарахтел, гадина! Заработал, тварь такая! Воду откачали, перепуганных горняков подняли на-гора, они чуть не со слезами Степана обнимали, он, сам взволнованный донельзя, куражился: "Что ж вы думаете, я своё оборудование не знаю, сладить с ним, хоть на суше, хоть под водой, не смогу?!"

А вечером напился до бесчувствия, знал про себя, что могло ведь и по-другому закончиться. Не любил он подземную работу.

Но что уж бога гневить, рукастый и головастый был муж у Лизаветы. Вот только сильно смурной. Чувствовалось, что гнетет его какая-то внутренняя боль. Чуть хозяйственные хлопоты отпустили, начал выпивать. Да не в шумных компаниях, не в загулах, а сам с собой, в одиночку. И сказать ему в укоризну ничего нельзя – прямо вывернется весь, убить в такую минуту может! А уж у Лизы вслед за сыночком дочка нарисовалась. Степан вроде бы лицом просветлел, когда на маленькое создание загляделся: такая светленькая, смешная, ручонками за палец хватается и цепко держит!

Держит. И опять нахмурится, отойдет. Как будто непрестанно и неуступчиво боролись в нем две жизни, та, прошлая, счастливая, и эта, нынешняя, в которую загнали его, согнули и заставили выживать самым рабским образом. И сколько он ни хорохорился, сколько ни убеждал самого себя, что он – хозяин своей жизни, не получалось. То есть все шло успешно, а убедить самого себя не получалось.

Лизавета осторожно начала поговаривать, что с двумя детьми да не расписанными жить – не годится. Он отмалчивался до тех пор, пока не миновали шесть лет вынужденной ссылки. Ну да, их, вышедших в ту войну из окружения, сосланных на северные рудники на проверку, так и звали «шестилетниками». Теперь, по истечении срока, он мог выезжать из этого городка хотя бы в отпуск, писать письма родным, тем, из прошлой жизни.

Ничего не объясняя жене, Степан взял отпуск и отправился туда, на Кубань, в те самые горячие запашистые степи, которые непрерывно мучили его сладкими снами и ветрами. Там был отцовский дом, старая мать и... довоенная семья, жена и трое детей.

Только там он узнал, что мать уже в конце войны умерла, жена страшно бедовала, едва сводя концы с концами. Она уже не чаяла его увидеть, не получая никакой весточки от вдруг пропавшего на войне мужа. Кто ж бы ей, полуграмотной, далекой от государственных сообщений, мог объяснить, что есть такая страсть, такое наказание: «высылка без права переписки»! В душе она его уже похоронила. А встретившись, чуть сама от потрясения на тот свет не отправилась: жив! Вполне благополучен! Да еще и там, в далекой стороне, детей нажил.

Марфа и рыдала, и смеялась одновременно, как помешанная, ведь такая любовь была, как он ее миловал, какой веселый, легкий, сильный был! В радости жила, в радости рожала, горы готовы были оба свернуть! А тут сидит сыч угрюмый, в узел завязанный, слова еле из

себя выдавливает. Виноватый и не без вины. Не могла она его простить, не могла, не узнавала, не понимала! Но и детей одной – чувствовала – ей не поднять.

Степан тогда сделал еще одно нечеловеческое усилие, так хотелось вернуться в родные края! Пошел к директору местного завода, там ему написали бумагу, что очень нуждаются в механиках, что семья у Головченко бедствует, дом – заваливается, трое детей без отца голодают, жена работать не может...

Рудник на эту бумагу холодно ответил, что им самим механик этот нужен. Да, шесть лет прошли, Головченко может ездить в отпуск, но обязан здесь отработать... И дети у него здесь тоже ждут отца.

Капкан захлопнулся. Уже ничего не чувствуя в омертвевшей душе, Степан оформил развод с такой же онемевшей от бесчувствия Марфой. По договоренности они поделили детей: двоих девочек он забрал с собой на север, сына оставил матери. Никому из них старался в глаза не смотреть. В поезде выпил, не закусывая, бутылку водки, чем напугал до смерти дочек, кормили и утешали их в дороге соседи по вагону. В те времена народ был душевнее, добрее, хоть и беднее. Но к приезду Степан проспался, пришел в себя, и на перрон вышел с суровым лицом человека, который знает, что делает.

Придя домой, представил обомлевшей Лизавете девочек и строго сказал сразу всем:

– Теперь мы одна семья. Хотела расписаться? Я готов. Вот тебе дочки.

И дрожащим от переживания девочкам:

– Будете ее звать мамой и слушаться. Здесь вас никто не обидит, вы у родного отца.

Лиза-то всё приняла, пласталась день и ночь с хозяйством и детьми, старалась новым дочерям в школьных неурядицах помогать, своих малышек на ноги ставить, перед Степаном стелилась, словно она чем-то виновата была в этом его двоеженстве. А дело-то это в их городке было самое распространенное: чуть ли не все поголовно – сосланные, добровольно завербованных совсем мало. В этих краях люди не касались чужих бед и несчастий, никто никого не осуждал. Выживали. А у кого получалось, заново жизнь строили. Глядишь, и счастье в оконце малое заглянет!

В дом Головченко оно почему-то не заглядывало. С тех пор, как семья его почти удвоилась и стала законной, Степан крепко стал выпивать, жену поколачивать, сны про степной ветер больше его не мучили. Осталась горькая явь и ...беспробудное пьянство. Не было счастья этой семье. Даже когда он просил прощения у плачущей Лизы за дебош и синяки, глаз не поднимал. Он себя считал за всё виноватым – и не хотел этого признавать, не мог смириться с тем, что на этой проклятой войне потерпел поражение, хоть и вышел из окружения.

Жизнь она ему оставила, но сердце разрубила надвое. Не срасталось.

2. Неотправленные письма

«Уважаемая коллега! Считаю должным привлечь ваше внимание к легкомысленному поведению одного из ваших педагогов, проступку, который подвергал жизнь воспитанников детдома из вашего города реальной угрозе...»

Михаил Петрович перечитал суровые слова, слегка нахмурился и посмотрел в окно. Смеркалось. Он только что вернулся с вокзала, где он сам, его дочь и студенты ее группы педагогического ВУЗа провожали этих самых воспитанников, возвращавшихся домой после каникулярной поездки в Ленинград. Возбужденные восьмиклассники выглядели абсолютно счастливыми, студенты на прощание прогорланили им под гитару какие-то импровизированные частушки, где рефреном шел невообразимый призыв: «И мы в который раз, призываем вас, вернутся к на-а-ам, тарира – рира -рам!» Насовали детям пакетов с провизией на дорогу, долго махали и слали воздушные поцелуи сияющим в окнах вагона мордашкам...

Он вздохнул и опять взялся за ручку.

«Вы только представьте себе, что пионервожатая из детдома, ни с кем не согласовав свое путешествие, привезла группу из 20 воспитанников на новогодние каникулы в Ленинград. Прямо с вокзала привела детей в институт, где сама начинала учебу на дневном отделении и потом по легкомыслию перевелась на заочное. Она нашла своих сокурсников, познакомила их с детьми и объявила, что неделю они смогут «как-нибудь перекантоваться в любой школе», – это ее выражение!»

Тут он опять прервался, перевел дыхание, сердце стало ни к черту. Снова вспомнил, как ему позвонила дочь и, задыхаясь от волнения, начала кричать:

– Папа, их двадцать человек, она говорит, что они даже на вокзале смогут. Но это же нельзя! Давай мы их приютим в твоей школе, в спортзале, у тебя же все равно каникулы, там пусто! Всего на пять ночей!

Ошеломленный ее натиском, он только и смог выговорить:

– Ты что, хочешь, чтоб меня под суд отдали? Превратить школу в ночлежку!.. Это невозможно! Давай, вместе с ними подъезжайте к школе, я буду там через полчаса.

Когда он увидел эту группу усталых, в одинаковых пальтишках казенного образца, детишек, с котомками за спинами, эту пионервожатую с лицом виноватым и одновременно вызывающим, не намного лучше одетую, чем ее подопечные, у него перехватило горло. Он почему-то спросил:

– А вы сегодня обедали?

– Мы их в студенческой столовке покормили и с собой пирожков на вечер взяли! – быстро отрапортовала дочь.

– Это хорошо, что на вечер взяли...

Опасаясь посвящать в аферу завхоза, Михаил Петрович отпер двери своим ключом, повел детей в спортзал. Они быстро и очень организованно сняли свои пальтишки, уложили на козла, разложили маты. Пионервожатая повела их в туалет, и когда они вернулись, выглядели все намного веселее: перспектива ночевки на вокзале им явно не грозила!

Директор отвел вожатую в сторонку и, стараясь не глядеть на раздумывающуюся авантюристку, веско сказал:

– По школе не бегать, ничего не трогать, свет не включать. Укладывайтесь отдыхать. – Тут он не выдержал и воскликнул – У детей даже простыней нет, о чем вы думали!

А она радостно с готовностью откликнулась:

– Так у нас с собой! Мы и в поезде из экономии постель не брали, просто постелили свои на матрасы, проводница не протестовала! Вы не волнуйтесь, они до света подрыхнут, умоемся и побежим по музеям, у нас такая программа!

Ну, еще бы...

«Вы, как заведующая гороно, должны знать, что восьмиклассники целую неделю вынуждены были проживать в антисанитарных условиях, без соблюдения режима, питаться, где придется, и кое-как. Они с раннего утра и дотемна бродили по городу и, естественно, очень уставали. Такое впредь просто недопустимо! Я надеюсь, что педагог вашей системы будет строго наказан...»

Тут Михаил Петрович опять остановился. Поскольку всю неделю, пока сиротки гостили в его школе, его не отпускало волнение, он въедливо допрашивал дочь, как там ее бывшая сокурсница справляется с детьми, где кормит, куда водит. Выяснил, что обедали они, как правило, в институте, где тоже ни у кого не поднялась рука ограничить вход таким посторонним. С утра, перекусив чаем с кашей в забегаловке, шли в музей: побывали в Эрмитаже, в Морском музее, в Русском, опять в Эрмитаже, от которого они пришли в полный восторг!

Посетили театр комедии Акимова, невероятно, но их даже пустили на вечернее представление балета «Ревизор» в Кировском! У студентов в эти дни еще шла полным ходом зимняя сессия, но они умудрились участвовать в этой аванюре – проводили экскурсии детей по городу, объявили по институту конкурс на лучший подарок: такого здесь никто не помнил!

«Думается, что вы, как лицо ответственное, отдаете себе отчет, что я, как человек невольно втянутый в эту аванюру, не мог доложить по инстанциям о недопустимом происшествии. Но и оставить без последствий поступок педагога, хоть и в ранге пионервожатой, не считаю возможным. Она должна понять, что дети – не материал для подобных экспериментов с не просчитываемыми последствиями!»

Что-то подобное он сердито выговаривал и этой девице, как там ее... Лильке что ли... Она рассеянно его выслушала и ни к селу – ни к городу вдруг сказала:

– Когда я пришла к ним работать, у них в детдоме совсем не было игрушек, а ведь там младшие школьники – еще совсем малыши! Мы через местную газету объявили сбор игрушек и... домашней обуви, представляете, у них никогда не было домашних тапочек! А потом я увидела, какое у них постельное белье... Да их просто обворовывали, все и всегда! Ну, они меня еще не знают (с тихой угрозой неизвестно в чей адрес). А мы с ребятами старших классов театр организовали и поставили «Братскую ГЭС» по поэме Евтушенко, представляете?! – и засветилась победной улыбкой.

Михаил Петрович посмотрел на свое письмо, нервно покрутил ручкой, отбросил ее, опять посмотрел в уже черное окно. Представил, как его незваные гости в вагоне пьют чай, закусывают пирожками домашней выпечки от новогодних застолий ленинградцев, как захлеб вспоминают Эрмитаж... Театр... Петра на коне... Львов и сфинксов... Невский проспект. Как достают из своих котомочек припасенные простынки, и проводницы ничего им не говорят, когда они разматывают матрацы и застилают их и подушки своим бельем.

Вдруг Михаил Петрович досадливо комкает свое письмо и бросает его под стол.

... А ребяташки вполне благополучно приезжают в свой городишко, весь детдом от восторга и переживаний за путешественников ходит ходуном остаток каникул. Лилька, едва приведя себя в порядок, бежит в гороно, к своей бывшей учительнице по литературе Ксении Николаевне, и захлебываясь от восторга, рассказывает, как замечательно группу встретили, предупрежденный заранее директор («Золотой человек – Михаил Петрович!») для группы устроил спальню, как в институте детей кормили в столовой, помогли организовать экскурсии.

– Ой, Ксения Николаевна, я же вам говорила, что ленинградцы – особые люди, такие душевные, такие воспитанные, уж я-то их успела узнать и полюбить! А как дети были счастливы! Ну, когда они еще смогут побывать в Ленинграде, подумайте сами! И ведь мы обошлись минимумом средств – только на дорогу! А вся выписанная в профкоме помощь ушла на питание, да и то нам все помогали, везде помогали!

– Лиля, но разве на это можно рассчитывать? – стараясь говорить строго, подняла на нее глаза изрядно поседевшая за свою педагогическую практику Ксения Николаевна.

– Конечно! – убежденно ответила Лилька, – только на это и нужно рассчитывать! Или мы не советские люди?

– Ладно, советский человек, беги к своим пацанам, – вздохнула Ксения Николаевна, – у меня тут есть дело неотложное.

Лилька убежала, а заведующая гороно придвинула листок бумаги с твердым намерением написать письмо «золотому человеку» с благодарностью за чудесные каникулы сирот из детдома.

«Здравствуйте, дорогой коллега! Когда Лиля придумала эту поездку в Ленинград, никто не верил, что это возможно. Но вы согласились принять детей, взвалить на себя в каникулярное время такие обременительные хлопоты, и смогли лишний раз укрепить у всех у нас веру в человеческую доброту. По сравнению с вашим поступком моя зарплата, отданная детям на поездку, просто ничего не стоит!»

Тут она рассердилась сама на себя, на упоминание этой зарплаты, на меркантильность ноты, так некстати прозвучавшей в этой почти сказочной истории. Да и кому она напишет? Лилька даже номер школы не помнит, в которой вместе с детьми провела пять ночей, говорит, возвращались затемно, табличка прибита высоко...

Ксения Николаевна засмеялась, скомкала листок и бросила его в корзину. Да и что ее письмо «золотому человеку», разве он не видел своими глазами этих путешественников? Мою дорогую, сумасшедшую авантюристку Лильку?!

Она перед самым отъездом написала заявление в прокуратуру о том, что в детдоме орудуют воришки, обирают детей почем зря. Завертелось расследование. Наверное, даже не подумала, что и любимой учительнице, нынешней заведующей гороно, попадет по первое число! Но это уже совсем не сказочная история.

3. Удачное замужество

Начальник железнодорожной станции Виктор Петрович овдовел. Похороны, поминки, девятый день прошли в хлопотах и воплях Надиной родни. И лишь к сороковинам он вроде как опомнился и осознал всю громадность своего горя. Дом за эти дни посуровел, и дело даже не в том, что по-прежнему на зеркалах болтались черные тряпки, никто не делал уборку и не раскрывал штор. Просто дети вели себя не как при Наде – не шалили, не ссорились, и даже разговаривали тихо, потерянно. Как будто черная беда всех накрыла и придавила к земле.

Еще сколько-то вдовец сидел, замкнувшись, обдумывая, как вытащить свое пришибленное семейство к жизни и, наконец, отправился на работу. Полдня прошли в суете, как всегда накопилось дел! А ближе к вечеру отправился Виктор Петрович в будочку стрелочниц. Поговорил с дежурившей молодой женщиной, хмурясь от ее жалостливых взглядов, и неожиданно спросил:

– Пойдешь за меня, Катерина? У меня – четверо... Но тебя не обижу.

Катя, помолчав минуту, сказала:

– Да ведь и я с дитём... Дочка у меня.

– Знаю. Все мы тут на виду. Ну, и как решаешь?..

Так она пришла в дом, хлопотливая, безотказная. Против Нади – не такая красавица, не шибко грамотная, но с детьми сошлась быстро. Может, как раз потому, что не было в ней заискивания, попыток строить из себя хозяйку или мать. – Одна беспредельная доброта, понимание детского горя... Мужа, робея, по-прежнему звала Виктором Петровичем, откликаясь на каждое приветливое и доброе слово смущенной светлой улыбкой. Но... сама себе не призналась бы, что из бабского сострадания сразу прониклась к нему ласковой и безоговорочной любовью.

Он же был доволен, что угадал в ней отзывчивое сердце. Конечно, обоим было не до ухаживаний: хлопот – полон рот, успевай, поворачивайся! Но совместная жизнь делает свое дело. Постепенно и он оттаял, после работы спешил домой, даже начал пошучивать, затеял какие-то пристройки к дому – вроде террасы. Что ж удивляться тому, что через год с небольшим Катя родила сына. И ведь чудное дело – работа, колготня, пузо на нос лезет, а Катерина прямо цветет! Соседки, перебивая косточки, только головой качали: «Удачно, видать, Катька замуж вышла, ишь, лётает, ровно ей шестнадцать годков!»

А еще через год Виктор Петрович умер. Инфаркт. Так запоздало, видишь, горе аукнулось. Да и в возрасте был, много старше второй своей жены. На похоронах Катя даже не выла, просто раскачивалась на табуретке из стороны в сторону, держа на руках маленького Витьку. Глядя на нее, безмолвной стайкой стояли у гроба еще пятеро – все девчонки...

Похоронили начальника за счет конторы, еще сколько-то выписали от профсоюза помощи. Но шесть ртов – сама седьмая! Даже раздумывать не приходилось – и Катя пошла опять на станцию, в стрелочницы. Ей посочувствовали и оформили кроме того мыть контору и вокзал. Старшим девочкам Катя сказала: «Дом – на вас, я – в заработчиках. Трудно нам будет, да видно так Бог судил. В школу мне ходить недосуг, сами старайтесь и малым помогайте. Завтра все на огород, без него не прокормимся».

Не мастерица была речи говорить, да в такую минуту мозги хорошо работают: дети ее поняли. На всей улице не было семьи дружнее, чем эта... Хотя пришлось им пережить еще не одну неприятность. Ходили на дом учителя, забегали соседки, и у каждой невольно срывалось: «Катя, да сдай ты их в детдом, эка тягость, где тебе поднять?!» Терпела, отмахивалась, но как-то вывела двух соседок из дома во двор со словами: «Что значит – сдай? Это вам порожняя поллитровка что ли? Видеть вас всех не хочу!»

Так и повелось: взрослых в этом доме почти не бывало, зато ребята с улицы толклись у Черницких весь день. Мамка-то чуть ли не всегда на работе! Свобода!

Как-то профком решил выделить Кате путевку в Крым, дети подросли, уже самостоятельные, побудут одни, пусть баба передохнёт! Катя, стоя в дверях, выслушала председателя и тихо ответила:

– Какой мне курорт... и одеть в люди нечего. Не ровня я этим... курортницам.

Помолчала, отмахнулась от попыток председателя возразить, и неожиданно для себя продолжила:

– Мне и мать говорила, не по себе, девка, дерево гнешь. Как будто без нее я этого не понимала. За детей я шла – им и кстати пришлось. – И опять помолчала. Да вдруг, светлея лицом от неожиданно прорезавшейся улыбки, призналась чужому человеку:

– А полюбил меня Виктор Петрович, ох, как полюбил, какие слова мне говорил... Никто сроду такого счастья не испытывал, как я в эти два года. Мне с высоты этой никогда не упасть, хоть небо на землю рухни! Никакая работа не в тягость, никаких страхов не боюсь. Не надо мне и жалости вашей, пустое это все... Вы бы лучше путевки в пионерлагерь присудили, девчонки обрадуются, да и я передохну.

На том и порешили.

...Зимой объявился старший сын Виктора Петровича, Славка, он уж самостоятельным был на момент смерти матери. А к отцу на похороны не приезжал – простить не мог, что тот так скоро женился. Пришел вроде как проведать сестер, скривил губы на подбежавшего маленького Витьку. Катя хлопотала у стола, готовя угощение для молодого инженера, девчонки шумно делили ленточки, косыночки – подарки брата. Катиной Светке и Витьке подарков не было, только своим сродственницам.

От ужина гость отказался, Кате только и сказал:

– Ну что, выгадала ты от своего замужества, счастлива? Ну, давай, ликуй дальше.

Катя прямо обмерла.

Он ушел, справившись со своей задачей, но на душе было совсем паршиво: хотелось справедливости, а получилось, что сволочь ты, Славка, распоследняя...

С той поры он с каждой зарплаты посылал деньги сестренкам, бывало, и посылки слал, в письмах приписывал: "Катерине передавайте привет, слушайте ее, помогайте". Катя молча слушала и так же, не обронив ни слова, уходила на кухню. Не то, чтобы она его простить не могла... Даже и не судила парня за те глупые слова, в сердцах брошенные. Но и себя переломить не могла – не откликалась на его покаянные приветы.

4. Стечение обстоятельств

Зоя Викторовна опоздала на час. Планерка уж прошла, и все офисные девочки разбежались по автоматам гонять чай-кофеи и перебивать кости всем, кому следует. Она очень удачно подгадала в эту паузу! Медленно сняла свое норковое манто, аккуратно повесила на плечики, не спеша устроила в шкаф. Вроде как поправляя прическу, а на самом деле прикрывая лиловое подглазье, попыталась проскользнуть на свое место. Но редактор их корпоративной многотиражки Александр не вовремя поднял глаза и не смог сдержать некорректного замечания:

– Зоя Викторовна, на целый час опоздали... О-о-о, что это с вами, что-нибудь случилось?

– Саша, не обращай внимания, ничего страшного, я вечером уборку затеяла, со шкафа обрушила старые альбомы, и вот плоды моего усердия!

– Так вы же вчера прямо с работы собирались со своим кавалером в ресторан, – встряла язвительно секретарша Юлька, – или не состоялось?..

Все, кто с готовностью к развлечению прислушивался к разговору, радостно прыснули.

Зоя Викторовна понурилась, и невольные слезы закапали на клавиатуру. И надо же было ей вчера вечером язык распускать, хвастаться предстоящим выходом в свет! Вера решительно поднялась, сделала страшные глаза Александру, и редактор, все тут же поняв, вывел девчонок на перекур. Вера под села к подруге, обняла ее за плечи.

– Что у тебя опять стряслось? Рассказывай, пока никого нет!

– Вер, вот почему все это мне, за что? Пошла просто развлечься, с хорошим настроением, прифрантилась, а у Руслана опять какие-то разборки с женой, сидит, как сыч, глазами по сторонам зыркает, меня как будто и нет! Заказал водку, а я что – манерничать не стала, тоже хватанула стопарь. Он себе знай наливает да опрокидывает. Ну, я себя в обиду не дам, ты же знаешь. Тоже от него отвернулась, спинку выгнула, ногу за ногу заложила, сигаретку взяла... Чтоб никто при этом на меня не повелся – не бывало еще такого! И тут, только музыка заиграла, ко мне так вальяжно подкатывает пижон, по костюмчику видать – фирмач! Шарф белый, штиблеты лакированные, глаз горит... Естественно, я навстречу поднялась, тоже глаз зажгла!

– Да ты молодец, и правильно, что этому своему охраннику нос натянула!

– Я тебе сто раз говорила, что он не охранник, а начальник охранного управления! Но не в том суть... Мужик этот носатый так по-свойски и спинку мне обнимает, и прижимает, ну, явно клеит! Но не успели мы как следует разойтись, Руслан поднялся, и прямо к нам. Представляешь, руками нас развел, как рефери боксеров, и вмазал. Сначала мне, мягко, но сильно... видишь, как щеку развезло? А потом и тому пижону, да всю душу, видать, вложил, тот аж к стойке отлетел, грохнулся – и затих.

– Зоя, да ладно, ну не насовсем же?!

– Вер, да насовсем! Ресторанские вышибалы подлетели, Руслана схватили, а он еще и орет: "Я его урою, я его уделаю!" Кого там уделывать... перевернули мужика, а он и глаза уже закатил.

Зоя зарыдала, Вера стала ее утешать, бессвязно нашептывая, что это же без злого умысла, по неосторожности, там ведь смягчающие обстоятельства...

– Вер, какие смягчающие! Стали у мужика документы смотреть, а он – иностранный подданный! Тут же вызвали полицию, те позвонили в израильское посольство, такое началось! Допросы, свидетели, на Руслана надели наручники, меня только под утро отпустили. Схватила такси, только тронулись, и тут меня так стало тошнить, просто ужас! Шофер меня выкинул, обматерил – и уехал. Стою на шоссе, как б... последняя, реву – в голос, как до дому добралась – не помню! Вот за что, за что мне эта доля горемычная, я что, кого-то обокрала, оговорила, кого-то беду накликала? За что-о-о-о...

– Успокойся, пожалуйста, пойдем, умоемся, – Вера повела страдальницу в туалет, а уж потом решительно выпроводила домой.

– Иди, иди, я с Александром поговорю, и завтра не приходи, отоспись, приходи в себя. Про Руслана я постараюсь все узнать, остались старые связи в следственном управлении...

Но дальше началось вообще нечто невообразимое. Когда Зоя Викторовна на третий день пришла на работу, несколько приободрившись, ее срочно вызвали на самый верх, в управление. Там, в кабинете первого зама президента компании, сидел, набычившись, недостижимый прежде высокий чин, и главный юрист компании.

– Давайте, Зоя Викторовна, безо всяких предисловий, рассказывайте, какую роль вы играли в этой сказочной истории?

– В какой истории? – обомлела Зоя. – Да мы просто пошли в ресторан, посидеть, развлечься, а там из-за глупой ревности случилась драка. Какая такая у меня могла быть роль?

– А это вам лучше знать. У следствия в разработке вот такая версия.

И ошарашенной дамочке рассказали, что нечаянно убитый носатый пижон оказался карточным мошенником крупного калибра. Да не игральных карт, а банковских карточек, платежных! Он там, в Израиле, объявлен в розыск. Здесь готовил свою... акцию в нашем банке. И начальник нашего охранного управления его убил. Посольство, естественно, выразило протест: да, мошенник, но не убивать же безо всякого разбора, без суда и следствия! По Москве разговоры пошли, что эти, банковские, совсем распоясались, убивают по одному подозрению, так сказать, сами суд вершат!

– Да нет же, никакого суда он не вершил, просто по неосторожности!

– не выдержала совершенно оглушенная такой версией Зоя, – он его и не видел никогда раньше!

– Конечно, не видел... органы дознания у нас в банке уже запись с камер наблюдения сняли, – кисло заметил юрист, – и там видно, как этот Мафусаил Залманович Румер гуляет по залу, обходит банкоматы. Присматривается на месте, так сказать. Следствие считает, что Руслан всё это заметил, пошел на опережение... Если вы хоть что-то знаете, лучше сейчас сказать. Пока вас не вызвали на допрос.

– Да нечего мне говорить, пусть его спрашивают, – растерянно развела Зоя руками.

С тем ее и отпустили.

Вера, выслушав невменяемое бормотание свидетельницы, которую вот-вот могли превратить в соучастницу убийства по сговору, рванула в следственное управление. Там ее удивили еще больше.

Когда вся эта дурацкая сцена ревности произошла в ресторане, наряд сразу отправился в гостиницу, карточку которой нашли в кармане Румера. Надо было осмотреть и опечатать номер. Но когда горничная своим ключом открыла дверь, в номере оказались два "ботаника" с компьютерами. Увидев полицию, парни сильно растерялись и, как дети – папу, спросили: "А Мафусаил Залманович где? Попался, что ли?" И майор Ганочкин вроде как отшутился: "Ага, и попался, и раскололся. Как орех! А вы здесь, в его номере, что делаете?"

Они это "раскололся" поняли по-своему, и сразу заявили, что мотать срок за инициатора и главаря не собираются: "Ну, тогда и мы запираемся не станем!" Рассказывали добросовестно, во всех подробностях.

Оказывается, Румер обхаживал банк перед вирусной атакой целую неделю, вызнал, кто тут начальник охраны, проник в корпоративную столовку; тихой сапой, в самом неприметном виде, обедал там со всеми. Видел, как Зоя с Русланом кокетничала, вместе обедали, сговаривались на вечер. Тогда Мафусаил Залманович и окончательный план разработал и утвердил. Компьютерщики со своей атакой ждут его сигнала. Он в ресторане провоцирует Руслана и выводит его из игры скандалом и потасовкой. Его, пострадавшего иностранца, должны были

тут же без промедления отпустить. Вернувшись в отель, он давал старт атаке, а подсобники при банкоматах должны были начать грабеж. Все очень четко и ловко!

Но кто же думал, что удар получится таким увесистым, и продолжение истории – непредсказуемым! Даже руководство компании не могло поверить искренним воплям Руслана, что он никого не собирался убивать. Ну, не знал он о готовящемся нападении на банк, все вышло абсолютно случайно!

Юрист с издевкой его переспросил:

– Случайно? Проморгал нападение на банк – случайно? Ты совсем что ли не просматриваешь записи видеонаблюдений? Он же там неделю мелькал! Или всё же ты превысил необходимую степень обороны вверенного твоему попечению банка? Давай уже, определись!

Руслан просто не знал, что ответить. Хоть так, хоть иначе, всё выходило паскудно. И что ему стоило просто оставить подружку с этим носатым ...покойником, а самому отбыть на службу, проверить посты и сигнализацию? И ведь обещал жене, что завяжет с этим романом! Жена... сухая, как брют... правильная, последовательная, предсказуемая. А Зойка прямо как ...фейерверк! Никогда не знаешь, чего от нее ожидать, женщина-праздник, фонтан выдумок и затей! У него никогда такой не было. Ну, не мог он ее оставить этому носатому, при всех раскладах – не мог! Вот и сиди теперь, за праздник этот чумовой с раскосыми глазами...

В бессильной злобе Руслан опять перебирал все подробности своего короткого романа и такого короткого, дикого вечера. Хотя о чем тут думать? Поздно, назад не отмотаешь. Осталось только выбирать: так превысил или недоглядел?..

5. Чистый разбой

Для разрядки Люська иногда забегала к детективщикам. Дела, конечно, к ним не было никакого, но почему не потрепаться с коллегами! Особенно, когда Егор так на нее глазами посверкивает, и чаю предлагает, и умничает, явно с желанием произвести на нее впечатление! Вот и на этот раз, когда она с пренебрежением к их жанру обозвала детективы "бульварным чтивом", он живо возразил:

– Не скажите, Люсенька, наш жанр может быть как раз ближе всего к жизни! Конечно, описывают наиболее яркие случаи, но ведь криминала в быту, на производстве, да, в конце концов, на самых вершинах власти столько, что не пересказать! Вот хоть бы вас взять и представить на минуточку...

– Да ну тебя, Егор, какие в моей жизни могут быть криминальные происшествия? На днях сумочку новую купила, хочу к тетке в Сочи на лето напроситься, ремонт надо бы сделать, да нет сил... Сплошная проза!

Посмеялись, чайку попили, вздохнув, Люська поплелась в свой отдел, разгрести завалы "нетленки". На столе лежала школьная тетрадка, исписанная до зеленой корочки. Очередной графоманский опус!

«Я стоял в цветочной лавке и с задумчивой улыбкой выбирал цветы для своей любимой. Сегодня у неё был день рождения. Последняя версия айпада и редчайшая книга по астрономии уже лежали упакованные в моем пакете и терпеливо ожидали, когда я присоединю к ним шикарный букет. Протeya. Она как-то говорила, что очень к ней неравнодушна.

– Могу я приобрести 21 протeya? – спросил я молодую продавщицу, сидевшую возле подоконника. Она поглаживала черную кошку и мило посмеивалась над тем, как та обнюхивает красную розу...»

Люська отбросила текст, покрутила в руках конверт: ну, понятно, районный центр какой-нибудь, даже не слышала никогда о таком городе. И они думают, что столичное издательство прямо заждалось их романов, книжные магазины в очередь выстроились, подписку организовали!

Почему она об очередной рукописи и ее авторе думала во множественном числе, ясно было без слов: у стола стоял мешок, плотно набитый авторскими творениями. И она, редактор отдела малых форм художественной литературы читала их день-деньской, с восхода и до изнеможения! И чего их всех на писательство тянет? Букеты... Любимые... Кошки... Розы. Теперь вот еще эта, как её? Люська заглянула в тетрадку: протeya!

Хоть бы Егор заскочил, одной на обед идти скучно.

В дверь постучали. Да как-то странно, с силой и внизу. Ногой, что ли?

– Входите, кто там!

Дверь распахнулась, и у Люськи не только брови поползли вверх, но и волосы поднялись дыбом. На пороге стоял какой-то придурок с колготками на лице и пистолетом в левой руке, замурзанный ватник подпоясан солдатским ремнем, на ногах – то ли калоши, то ли..

– Ты тут редакторствуешь? – как-то не очень ясно спросил бандит.

– Я... Но я только по малым формам, романисты и детективщики дальше по коридору и...

Он оборвал ее непочтительно и грубо:

– Обойдемся малыми! Почем за рукопись авторам платишь?

– Я?!. Ни почем не плачу, вы с ума сошли, это же пока сырье, там еще предстоит... контракты... правка... набор... Да из этого мешка девяносто процентов в макулатуру пойдет!..

– Хорош гнать лабуду! Думаешь, я не видел, какие цены сейчас на книгах, не представляю, как вы огребаете? И в макулатуру – не надо, чо разбрасываться, люди старались, писали ... Всё пусть в дело идет! Учить тебя, что ли? Или другого редактора найдем?

Значит так, я буду твоей «крышей», вступительный взнос сейчас прямо отдашь... Сколько тут у тебя?

Он, наконец, шагнул в кабинет, правой рукой взял Люськин новехонький ридикюль, слегка его потрянул и, удовлетворившись весом, заключил:

– Ну, для почина хватит... Приходить буду раз в квартал, чаще мне некогда, ты же будь наготове. В обмен обещаю, что другая «крыша» тут не появится, будь спокойна!

И с авторами не балуй, нам с тобой, чем их больше, тем доходнее, сама понимать должна! Ладно, не буду отвлекать, работай, не ленись, а то, гляжу, не шибко ты усердная, на подоконнике расселась... Бывай!

С тем и пропал, даже топота по коридору не услышала. Минут десять не могла шевельнуться, боялась выглянуть в коридор. Да и что выглядывать, чистый разбой! Господи, документы, ключи, вся зарплата! Люська заплакала.

6. Чужую беду руками разведу

Разбудили Ларису синицы. Раньше она сыпала им за окно пшено, а этой зимой привязала шпагатом целый шмат сала. Маленькие обжорки с первым светом налетали на него, дырявили крепкими клювами, ссорились. Очень скоро они превратили сало в подобие губки, и с одного края уже обнажилась коричневатая шкурка. Перебранку при этом устраивали несусветную.

Привычно скосив глаза на часы, Лариса сказала себе «Ого!» и побежала под душ. На плите, хрипло пробуя голос, сначала прерывисто заворчал, а через минуту тоненько запел чайник. Гренки зарумянились, осталось только заварить чай – и завтрак готов. Еще раз взглянув на часы, Лариса уже спокойно развернула салфетку. От ножа пахло рыбой, и, помедлив, она бросила его в мойку.

Вспомнила, как Анатолий вчера мягко ей выговаривал: «Давно тебе, Ларочка, надо отказаться от этих вечерних бдений! Шеф, небось, по вечерам домой бежит, а ты сидишь. Самой себе ужин приготовить некогда». Он чистил рыбу, а она с улыбкой слушала его ворчание, не защищаясь и не возражая ему. Уходил он уже, как всегда, в ночь...

Пора бежать, перчатки, сумка, ключ. . . Ах, сахар забыла, заварку Валя обещала принести, с этим квартальным отчетом опять всё прикончили. Хлопнула дверь, сбежала по лестнице.

День начинался как сто, как тысяча последних дней. Много раз ее обманывали ощущением перемен то необыкновенно солнечное утро, то легкий невесомый снег, то бурная весенняя ростепель. Сегодняшнее утро было честным и трезвым, в меру серым, как и положено на рассвете – зябким, ветреным, со скользкой поземкой. По дороге на работу она привычно раскладывала в уме дела: передать директору подготовленные для командировки бумаги, подписать заявки снабженцам, и обязательно повернуть ругачку с трестом.

В отделе еще раскачивались, меняли сапоги на туфли, поправляли макияж, вспоминали вчерашний сериал. Уличный холодок перевевался ароматом духов; казалось, сам воздух был по-утреннему взвихрен и возбужден. Лишь через час всё мирно улеглось и по-рабочему стихло.

Лариса взялась за телефон, но вдруг открылась дверь, и вошел человек. То есть не совсем чтобы человек, а какая-то замурзанная личность с озябшим и нечистым носом, взъерошенными от холода волосами на непокрытой голове, красными руками, вылезающими из коротких рукавов. Все обомлели в каком-то шоке, потому что ТАКОЕ к ним никогда не забредало. Рта разинуть никто не успел, как вошедший, обращаясь почему-то к Ларисе, сказал сиплым голосом:

– Помогите мне, пожалуйста, мне негде жить, и никто не берет на работу, мотаюсь по подвалам, сплю в колодцах, а то на вокзале. . . а ведь я тоже человек.

Все посмотрели на Ларису, и она, еще не оправившись от изумления, спросила:

– Да вы, собственно, кто такой, как сюда попали?

Он осторожно сделал несколько шагов по направлению к ее столу и с готовностью ответил:

– Я на попутной ехал. У механического завода целый час стоял, никто не останавливался. Пошел пешком. Только возле совхоза служебный автобус меня догнал, он как раз сюда шел, к вам. Всю ночь ехал. А утром он остановился возле вашего дома.

– Как это возле моего дома? – не поняла Лариса.

– Он имеет ввиду – у нашего управления, – подала голос понятливая Валентина. – Что ж ты так сразу и пошел к нам в отдел?

– Нет, я сперва в школу пошел, тут рядом с вами школа. Спрашиваю, можно у вас подработать? А меня погнало. И в вашем доме я тоже заходил в дверь рядом, пообещали милицию вызвать. А меня милиция не возьмет, зачем я ей нужен. Я больной, таких никто не берет.

Он отвечал теперь Валентине, невольно развернувшись к ней, искательно поглядывая на других сотрудниц. И оттого, что стоял он теперь в центре комнаты, под перекрестными взглядами, с какой-то унижительной готовностью отвечать на любой вопрос подробно, обнаженно, показался Ларисе этот ... человек еще более жалким. И когда он опять повернулся к ней, она неожиданно для себя и для всего отдела проговорила:

– Да вы присядьте, пожалуйста, я понять не могу, чем, собственно, мы вам можем помочь?

Теперь уже все разглядели, что в лице бродяжки было что-то детское, болезненное; когда он начинал говорить, он дергал головой, словно с усилием выталкивал первое слово. Но говорил осмысленно, то главное, что и должно было убедить их всех в правоте сказанного.

– Меня на работу устроили, а как случился припадок эпилепсии, сразу уволили, потом из общежития выселили. Сказали, поезжай домой. Я в Сосновку приехал – мачеха меня выгоняет. Отец тоже меня не любил, когда жив был, больной ведь. Я сперва в нашем городе в интернате был, но отец не хотел платить, и тогда меня в детдом оформили в Нижнем... Я там и восемь классов кончил, на плотника обучался. А как с работы выгнали, так и хожу ничейный.

– Где же у тебя документы? – переходя на «ты», как с подростком, спросила Лариса.

– У меня паспорт остался в Карпинске. Я один раз его во время приступа потерял, так с тех пор его и держат в паспортном столе. Если на работу возьмут, можно его затребовать.

Он с надеждой уставился на женщину, словно она собиралась его взять на работу.

– погоди, ты, наверное, есть хочешь? – спросила его Лариса, – попьешь чаю?

И получив в ответ застенчивый утвердительный кивок, быстро налила в свою большую тонкую чашку чай, достала из сумки коржик, внутренне конфузясь, подвинула все это парню. Он же, не церемонясь, быстренько обхватил грязными руками чашку, и, в два приема проглотив коржик, начал пить чай. Валентина, молча поднявшись из-за стола, вышла и, тотчас вернувшись, подала ему большой кусок бисквита. Видимо, позаимствовала в соседнем отделе у подруги.

– Спасибо вам, спасибо, – вежливо покивал парень и моментально управился с бисквитом. Видно было, что просить и принимать подавание ему привычно и не совестно. Житейское дело!

Лариса потянулась было к телефону, но медлила в полном недоумении. Господи, да что же можно сделать? Вот взялся на мою голову, и почему прямо ко мне... не выгонишь ведь просто так.

Тут ее осенило: надо спросить у кадровички, она ведь общается с работниками собеса, поди, знает, куда таких убогих девают. Подлив в чашку горячего чая и стараясь говорить деловито, строго, сказала:

– Ну, пей чай, сиди здесь, я сейчас.

Он с готовностью и надеждой закивал и даже приподнялся, пока она выходила. Потом, совсем по-свойски усевшись на стуле, спросил Валентину:

– Вы на этих машинках считаете что ли, они электрические?

Лариса все с тем же ощущением неловкости от того, что занимается каким-то нелепым, не свойственным ей делом, вошла в отдел кадров и начала путано объяснять про инвалида-эпилептика, которому следует как-то помочь. Надежда Петровна недоверчиво смотрела на гордичку-красавицу из финансового отдела и долго не могла понять, что ей надо.

– Лариса Игнатьевна, а кого вы устраиваете, знакомые что ли попросили?

– Ну, почему – знакомые, зашел вот, сидит у нас, чай пьет.

– Как чай пьет, почему к вам?

Они какое-то мгновение смотрели друг на друга, потом Надежда Петровна, спохватившись, вежливо сказала:

– Я вам дам телефон собеса, позвоните им, мне ни разу не приходилось с такими делами связываться, у меня, знаете ли только пенсионные вопросы. Думаю, это дело долгое и хлопотное.

При этом она смотрела на Ларису недоверчиво, даже с каким-то сомнением, словно хотела сказать: «Не дури-ка ты, девонька, не занимайся чепухой, на кой ляд тебе эта забота сдалась».

Лариса и сама так думала, но когда вернулась в отдел и увидела выжидательные глаза бродяжки, его помягчевшее и повеселевшее после чая лицо, ругнула себя и Надежду Петровну, решительно взялась за телефон. Разговор с собесом был таким же неловким. На том конце никак не могли понять, кто она такая и что хочет. Потом объяснили, что устроить инвалида в заведение – сложно, туда такая очередь, что года три ждать придется. На работу его устраивать бесполезно, рано или поздно кому-то придется отвечать за несчастный случай с ним.

Лариса взвилась:

– А пока документы, очередь, оформление, где этот человек жить должен?

– Им назначают пенсию, – услышала в ответ, и собеседница отключилась.

Парень, напряженно вслушивавшийся в разговор, все тем же обиженным голосом пояснил Ларисе:

– Пенсия-то назначена, но мне ее не отдают, получает мачеха в Сосновке. Она мне сказала: "Поесть можешь приходить, не выгоню, а жить здесь не будешь, не нужен ты мне".

Лариса слушала его, и глухая волна протеста против какой-то труднообъяснимой несправедливости нарастала в ней, все внутри сжималось от жалости, чувства беспомощности перед чужой бедой и ... отвращения. Она только сейчас осознала, что вместе с этим бедолагой в их женском отделе устойчиво воцарился крепкий запах немытого тела и вонючего тряпья. Она оглянулась на форточку, и парень, поняв ее взгляд, виновато сказал:

– Я уж забыл, когда мылся, да и все равно одежды нет сменить. А в кино часто хожу, – тут же простодушно похвастался он, – я ведь ростом маленький, проскользну – меня и не ловят. А так хожу целый день по городу, многие ругаются, а чем я виноват? Меня как-то Галина Гавриловна встретила, она у нас в детдоме работала. Ты что, говорит, Сеня, так нигде и не пристроился? Приезжай, говорит, к нам опять, мы тебя хоть на подсобное при детдоме устроим. Я с тех пор все думаю, где-нибудь подзаработать на билет и уехать туда.

– Что ж ты на попутных совсем в другую сторону едешь? – недоверчиво спросила Лариса скорее по инерции, не ожидая даже толкового ответа. Он и ответил бестолково, по своей логике:

– Так ведь куда автобус шел, туда я и ехал, это же не поезд. Вот бы мне на поезд попасть, я бы уехал к Галине Гавриловне.

– А она тебя в самом деле ждет? Вот в собесе говорят, что тебе надо в область ехать с просьбой, да как ты поедешь, ни денег нет, ни знакомых, у кого ты остановишься? Да и не найдешь нужный дом...

– Не-е-е, найду! – с готовностью опроверг он ее. – Я уже был у них. Они меня записали и сказали «Жди». Можно ведь немного и на вокзале пожить, в большом городе даже лучше, вокзал на ночь не закрывают. Но у меня там припадок случился сильный, я семь суток без сознания пролежал в больнице. Выходили, подкормили и выписали. Я теперь боюсь туда ехать.

– Ну, хорошо, – содрогаясь от жалости и просто физически страдая от невыносимой вони, проговорила Лариса, – возьми деньги, сходи пообедай и возвращайся. А я попробую в твой детдом дозвониться. Скажи-ка мне, кто там директор?

Он толково назвал ей фамилию, даже телефон, взял деньги и убежал в столовку. Лариса, стараясь не смотреть на сотрудниц, открыла форточку, начала вызванивать номера в Нижнем Тагиле.

Вошел Дмитрий Семенович из снабженческого отдела и покрутил носом:

– Что-то девушки у вас сегодня запашок не тот, с улицы нанесло, что ли? Вы бы форточку прикрыли...

Рая прыснула и выскочила из кабинета, а Ларисе в словах коллеги послышалась насмешка, и она сухо его отбрила:

– А вам дела нет до наших запахов! Мы вот по вашей вине еще месяц посидим на сверхурочных – еще не так завоняем! Давайте, что там у вас, некогда мне ваши колкости слушать!

Он только рот открыл от такой резкости, отрывисто сказал, протягивая папку:

– Вот. Ну, это и не к спеху. Конечно, вы в праве... но я тоже сижу, конец квартала, знаете ли.

И не кончив бессвязного объяснения, вышел прочь. Валентина кинулась за ним, заговорила что-то добрым успокаивающим голосом, но Ларису от этого стыда и неловкости отвлек телефонный звонок. Из столовой вернулся Сеня. Потрогал озябшими руками красные уши и похвастался, что деньги все целые!

– Я в очередь встал, а тетенька мне говорит: «Иди сюда, дурачок, я тебе положу котлету с картошкой». Во-о-от такую гору наложила. Кассирша даже не смотрит, проходи, говорит, иди, ешь. – И, шмыгнув носом, прибавил, – меня другой раз даже машины на улице пропускают!

"Ну еще бы, – подумала про себя Лариса, – производишь ты впечатление шибче красного света!" А вслух только и спросила, отводя его руку с деньгами:

– Где же шапка твоя? Холодно ведь так-то форсить.

Сеня снял пальтецо, аккуратно уложил его на пол возле шкафа, сел на свой стул рядом с Ларисой и терпеливо ей объяснил:

– Чего ж форсить... Это я во время приступа потерял, как башкой стукнусь, так все с меня и слетает, меня уволокнут, а про шапку никто и не думает. Вот опять остался гологоловый.

Сеня начал рассказывать про начальника леспромхоза, про редакцию какой-то газеты, в которой он тоже просил помощи, про исполком, а Лариса глядела на него неотрывно, стараясь не показать крепнувшего в ней гнева. На что было и гневаться, на какую-то бабу, которой не нужен был в доме этот припадочный, на отца с матерью, не ко времени умерших и оставивших маяться убогого сына, на чиновников, которым недосуг и неохота заниматься Сеней? А Сеня по своей повествовательной логике дошел до нужного и самого важного места:

– Мне бы только заработать на билет, а там Галина Гавриловна меня устроит...

– Господи, да разве в этом дело! – вырвалось у Ларисы. – Билет я тебе могу купить, а если в Нижнем тебя никто не устроит, не поможет, опять будешь по подвалам таскаться? Нельзя ведь так жить... нездоровому человеку!

Сеня притих, подумал маленько, пооглядывался и спросил:

– Можно я в этом журнале картинки посмотрю? Я когда в школе учился, меня все учителя хвалили, у меня особенно английский хорошо шел!

Рая демонстративно отложила бумаги, схватила журнал и вышла из кабинета. Лариса посмотрела ей вслед и обратилась к Валентине.

– Валя, послушай телефон, мне там обещали перезвонить, если директора детдома найдут... Спроси у него, примут ли они своего воспитанника Аникеева Сеню. Мы бы его посадили на поезд, отправили... Я сбегаю домой, вернусь быстро. Пусть он здесь посидит.

– Иди, иди, я все сделаю, да не волнуйся, всё образуется.

Скользя по тротуару, не замечая встречных, летела Лариса к себе домой. Не раздеваясь, прошла в комнату, в старую спортивную сумку уложила толстый свитер, пару темных футболок, вязаную шапочку с помпоном, добавила теплые носки. Когда подходила к управлению, увидела, что сотрудники потянулись на обед. Валентина, наверное, опаздывает, ей же на уколы... Запахавшись, Лариса почти вбежала в кабинет. Но Валя ее успокоила: "Успею, все нормально..." Пообещала с обеда принести пакет с едой для Сени – в дорогу.

Сеня широко улыбнулся:

– Мы уже на вокзал позвонили, нам сказали, когда отправление и сколько билет стоит! Все-таки запах от него шел совершенно невозможный. Лариса протянула парню сумку:
– Слушай, сейчас все на обед ушли, пойди в мужской туалет – в конце коридора – переоденься. Свою одежду заверни в газету и положи в сумку. При возможности постираешь...

Валентина, уже стоя в пальто, задумчиво посмотрела на Ларису, хотела что-то сказать, но лишь вздохнула и вышла. Сеня весело побежал по коридору, слышно было, как он громко что-то объяснял охраннику, и Лара усмехнулась про себя. Хорош у нее подопечный, нечего сказать, все управление на ушах!

До отхода поезда еще оставалось больше часа. Лариса взяла фирменный бланк и с каким-то злорадным чувством ко всем бюрократам, настроенным против бедного Сеньки, сочинила потрясающее письмо:

"Дорогие товарищи! Семен Аникеев, инвалид второй группы, без средств к существованию и без прописки едет в Нижний Тагил, где ему обещана помощь. Просьба убедительная – не чинить ему препятствия, помогать по мере возможности и не обижать, поскольку это БОЛЬ-НОЙ несчастный человек. Благодарю за человеческое отношение. Л.И. Глазычева, финансист".

Полюбовалась на свою охранную грамоту, поставила дату и задумалась.

Боже ты мой, сколько раз она проходила мимо калек у магазинов, не глядя, кидала мелочь в протянутые ладони старух... Когда, какое колесо прокатилось по этим людям с несостоявшейся судьбой, природой или ближними они были обижены, подавлены – она, Лариса Глазычева, сроду не задумывалась. Она отвечала за свои отчеты, за маму в Петербурге, за выращенный из семечка лимон и синичек за окном. Ни она, ни кто другой не отвечал за Сеню Аникеева. А ведь хотя бы немножко помочь ему – пусть с некоторыми хлопотами, усилиями – можно, были бы живы в душе сострадание и человечность.

Дверь отворилась, и вошел Сеня. Рукава свитера ему все-таки были коротковаты, как он ни старался их натянуть. Лариса улыбнулась:

– Сеня, ты хотя бы руки помыл, там ведь на раковинах есть мыло!

– Да я все равно весь грязный, – удивился Сеня, – меня сейчас отмачивать надо, так не отмыть!

Он подошел к зеркалу за шкафом и надел шапочку, с тем же шиком, с каким носят их студенты.

– Ну как, хорошо? – сияя грязной мордашкой, совсем по-детски спросил он.

Странное они собой представляли зрелище на улице. Лариса в каракулевой расклешенной шубке, шляпе, в замшевых сапогах, и Сеня – в мятом, потерявшем первоначальный цвет пальто, с каким-то опрокинутым лицом. Лариса видела, что на них оглядываются, слушала и не слышала Сенину болтовню. Головная боль то ли от вчерашней переработки, то ли от сегодняшней бестолковщины, не проходила даже на улице.

И вдруг она увидела Анатолия. Совсем близко, прямо перед собой. Он смотрел на нее с нескрываемым изумлением, на нее и на ее веселенькую шапочку с орнаментом, напыленную на какого-то бомжа.

– Лариса Игнатьевна, здравствуйте! – дурашливо протянул он, раскинув руки. – А я смотрю и не узнаю вас, где это вы такого чудного кавалера отыскали?

– Здравствуйте, – холодно ответила Лариса и прошла мимо с перехваченным от обиды горлом. Никогда она не сможет ему объяснить, что с ней произошло сегодня, почему так болит и ноет все внутри, почему она сама ведет этого Сеню на вокзал, почему она чувствует себя виноватой перед заискивающим и счастливым от ее внимания и участия человеком без лица.

Ни Рае, ни Анатолию она не сможет объяснить свое теперешнее состояние. Неужели он настолько душевно слеп, что не увидел и не понял с одного взгляда то, что смогли понять женщины в столовой, накормившие Сеню бесплатно, что понимают шоферы автобуса, подвозившие его, что тронуло, наконец, Валентину и ее, Ларису...

Сеня виновато приутих и спросил:

– Может, я пойду немного впереди?

– А как же я с тобой буду разговаривать, если ты пройдешь вперед? – улыбнулась ему Лариса. – Ничего, Сеня, рассказывай, я слушаю тебя. Так как же на плотников учат?

На вокзале Сеня очень проворно сунулся в кассу вперед Ларисы, протянув туда "охранную грамоту". Лариса оцепенела. Ей как-то не приходило в голову, что письмо будут читать при ней. Но кассирша, шевеля губами, очень серьезно дочитала до конца и сказала:

– Можно льготный билет, за пятьдесят процентов. До куда надо?

Проводница тоже выслушала Ларису со вниманием, пообещала проследить, чтобы вышел, где надо, оделся и не забыл вещи. Сеня тем временем устраивался: он погладил столик, посмотрелся в зеркало, заглянул под сиденье. Видно было, что он совершенно счастлив, и в ближайшие часы даже не вспомнит о своем бедственном положении, о том, что у него пока нет пристанища, а вся провизия уместилась в пакете. Из несчастного и обиженного лицо его стало вполне беспечным, он, кажется, только и ждал, когда Лариса уйдет!

Она же теперь не могла не думать о тех людях, от доброты или черствости которых он так всецело зависел.

– Сеня, – сказала она ему, – если ты бродяжничаешь не по нужде, а по глупости, если есть у тебя где-то родные или хотя бы терпимое пристанище, послушай, дружок, вернись туда. Либо постарайся пристроиться в Тагиле. Понимаешь, в твоём состоянии опасно бродить ничейным, пропадёшь ни за грош.

– Не-е-е, я сейчас же, как приеду, пойду к Галине Гавриловне, она мне поможет, она из наших мест, очень добрая!

– Ладно... Да почему ты шапочку не снимаешь?

– Еще потеряю... Да и так красивше, правда?

Медленно шла Лариса назад, все чудился ей в прохладном предвесеннем воздухе тошнотворный запах грязного тряпья. Брезгливость, жалость и еще какое-то незнакомое ранее чувство несочетаемо мучили душу. Хотелось заплакать.

С противоположной стороны улицы ей призывно замахала руками Рая, далеко приметная в своей белой дубленочке, подлетала с вопросом:

– Ну что, куда вы это чучело дели?

– Купила билет, посадила на поезд.

– Ой, надо было сразу с утра по рваному собрать и выпроводить его! Целый день маялись, такую вонь терпели! И чего он вам дался, страсть такая!

На Раю было смотреть еще горше, чем на Сеню.

7. Дело житейское

В размягченном состоянии папаня говорил дочке: «Помни, дурочка, покорное теляти две матери сосет! Умей приладиться и к людям, и к обстоятельствам, тогда и будет тебе счастье!».

А Лида и не была дурочкой, очень быстро усвоила уроки папани, и к тому же поняла, что два горошка на одну ложку – вовсе не излишество, а при сноровке можно не только на двух, но и на трех стульях усидеть! Не только поучения отца, но и сама жизнь побуждала её самостоятельно выгребать в бурных штормах. Родители, осевшие в маленьком городке, не имели особых возможностей обеспечить будущее дочери. Спасибо, что в студенчестве переводами помогали, смогла выучиться.

Понятно, что педагогический институт давал ей самую массовую профессию, и по распределению светила ей опять же провинциальная глубинка. Лидка это вовремя сообразила, перевелась на заочный и вскоре получила свободный диплом. Ловко пристроилась в областном центре в школу рабочей молодежи. А потом все же поймала за хвост свою жар-птицу!

Ну да, не сразу, так ведь и не бывает... После неудачного замужества осталась одна с маленькой дочкой на руках. Но на дворе – двадцатый век, не какое-то там суровое средневековье, можно еще молодой прытью насладиться! На каникулы родители брали внучку к себе, а молодая математичка прыгала по курортам, загорала, плавала, заводила знакомства. Данные у нее были завидные: и глаза с прозеленью и ведьмачей искрой, и ноги от ушей... А отпускникам чего еще надо, сразу из любой тусовки Лидку выделяли.

Так вот в разгар курортной круговерти положил на неё глаз пожилой вдовец, да не простой по положению – редактор журнала, пусть мелкого, какого-то профсоюзного, но все же федерального уровня! Прознав про москвича всё, что следовало, Лида скорректировала тактику. Ходила плавно, глазки приопускала, говорила поспокойнее и не хохотала так вызывающе, как прежде.

Словом, к концу сезона вдовец уже тоже считал, что повезло ему сказочно, нашел свою избранницу! Состоятельного человека вовсе не смутило, что есть у Лиды дочь, совместных детей они не планировали, у Виталия Семеновича свои сыновья уже были на ногах, взрослые.

Так Лида вместе с дочкой Лариской скоренько перебралась в Москву, расписалась и прописалась в шикарной квартире новоявленного супруга. Для нее эти два события были равновелики! Он же по своим связям помог ей устроиться на работу в элитную гимназию, тут уж Лиде надо было только рот не разевать, хватать все, что в руки плывет и прибираться понадежнее.

Сложилось! Теперь она и в компаниях солидных блистала, научилась многозначительно улыбаться, кому надо – поддакивать, с кем следует – телефончиком обмениваться. Ну, и, разумеется, супруга своего ненавязчиво направлять: взяли участок под дачу, пока раздача еще была бесплатной, начали строиться. Лида сама везде бегала, хлопотала, напоминала, что Виталий Семенович – ветеран Великой Отечественной. Работало безотказно, особенно потом, когда журнал закрыли, а Семеныч стал пенсионером.

Одно только Лиду томило, старый черт был все же осторожен, он так и не переписал на нее квартиру, оформил дачу на себя, не спешил с завещанием. А у него – только на минуточку – трое детей от законного брака, за процессом все трое следят неустанно и молодой жене не очень-то доверяют. Вот и приходилось старичка неустанно бережно "окучивать", окружать самым нежным вниманием. Соседка по даче как-то льстиво похвалила Лиду через забор:

– Какая ты молодец, Виталий Семенович у тебя и ухожен, и вовремя накормлен, и погулять выводишь, прямо нянькой при нем!

На что Лида, выкатив серо-зеленые глаза, как-то слишком откровенно ответила:

– Тоня, а ты знаешь, какая у него пенсия, какие льготы, какие сбережения? Да я бы одна на свою учительскую зарплату эту дачу ни в жизнь не подняла!

Соседка чуть не прыснула от такой голымой расчетливости, но удержалась, покивала со значением. В другой раз Лида ей с такой же неудержимой болтливостью объяснила, что и зарплата у нее в гимназии теперь с хорошими приварками. Растолкуешь состоятельному родителю, что отпрыск самостоятельно из троек не вылезет, и глядишь, в репетиторы наймут. Два-три таких оболтуса – и зарплата удвоится. Нет, что ни говори, а новое время учителям новые возможности открывает. Если не зевать, кумекать башкой.

Выскакивали из Лиды и папанины просторечные словечки, и бабская корыстная психология. Сумела она мужа убедить, что пора ей самой за руль садиться, при его-то возрасте рискованно автомобиль водить.

– Но я на твоей "Ниве" ездить не смогу, – смущенно развела она руками, – надо иномарку покупать, автомат.

Он согласился, и Лида в своем внутреннем самоощущении подпрыгнула еще на одну ступеньку. Годы летели стремительно. Как-то незаметно и она уже в возраст вошла, тот самый, при котором "баба ягодка опять". Вот тут в супружеской жизни все ярче начал вырисовываться дисбаланс. Семеныч гулял по садовой тропке, неуверенно переставляя ноги, спрашивая у соседки самым вежливым голосом: "А вы тут давно гостите, что-то я вас не припоминаю..." А сама Лида на ходу еще всюю крутила бедрами, вернула в обиход русалочий хохоток, повадилась на курорты ездить одна. Виталия Семеновича ловко устраивала на это время в санаторий – на обследование и лечение. Он был вполне этим удовлетворен.

С дочкой, правда, начались непредвиденные осложнения. Лариска как-то незаметно подросла, обрела и голос, и замашки мамкины. А вот распорядиться расчетливо данными не умела, как ни вразумляла ее мать. Кавалеры у неё были какие-то несолидные, в кожаных косухах, ботинках военного образца, с серьгами у кого в носу, у кого – в ухе. Лида повысила в общении с дочкой напор голоса в децибелах, прибегала к жесткой изоляции от вредных компаний – ничего не помогало! Ларка ни учиться не хотела, ни работать, что-то там покуривать начала. Получила от матери оплеуху-другую, в ответ стала и ночами пропадать, бог весть где.

– Как со всем этим свою личную жизнь устраивать? – жаловалась Лида Тоне через забор. Соседка у нее давно уже исповедальней служила. – А годы-то бегут, неужто я в своей биографии так и ограничусь Семенычем? Будто и не жила по-бабы!

И предельно понизив голос, пробалтывалась окончательно:

– Не поверишь, Тонь, мне мужик теперь дороже жрачки, прямо жор какой-то с возрастом открылся! Удержу нет! Что тут будешь делать?

Нашла-таки Лида решение своему непростому положению. Только это произошло уже после самой дикой трагедии, разразившейся неожиданно.

После очередного скандала с дочерью, Лида прокричала ей: "Не смей из дома выходить! Ты у меня под арестом на неделю, пока не опомнишься, не прекратишь эти гулянки! И забудь своего Артема, не войдет он в наш дом, только через мой труп!" Хлопнула дверь, повернула ключ. А в комнате дочери брякнул шпингалет, звякнули окна – и вслед за ее воплем установилась непонятная тишина. Выбросилась Лариска из окна – сразу насмерть.

Год дача пустовала. Лида своим горем была убита наповал. Не снимала черной одежды, непрерывно плакала. Впервые она не видела никакого выхода, никакого объяснения произошедшему дать не могла, не понимала и своей вины. По ее разумению, все она делала для дочери, как надо, заботилась, обеспечивала, советовала, руководила... Что не так? Почему? На следующий сезон, вернувшись с супругом на дачу, она и Тоне через забор горестно жаловалась:

– Уж я ли для нее не крутилась, как черт на сковородке, разве чего жалела, в чем-нибудь Ларисе отказывала? И наряды, и поездки... Любовь! Тонь, какая любовь, о чем речь? Как мне жить с этим дальше?

И оглянувшись, переходя на трагический шепот, вдруг открылась:

– Тонь, они ведь даже дело уголовное завели, статья у них такая – доведение до самоубийства... Этот поганец Артем что-то им наплел. А я им говорю: совсем рехнулись, что ли, я – мать! Я жизнь на нее потратила, себе во всем отказывала ради дочери, я ей и пару солидную присмотрела, добра ей, глупенькой, хотела...

Соседка ее утешала, приговаривая:

– На все воля божья, жить надо, Лида, что ж поделаешь? Не гробить же себя.

Обычные бессмысленные слова, которые говорят в таких случаях. Да и Виталий Семенович вокруг Лиды ходил, растопырив руки, всё усаживал отдохнуть, не хлопотать с таким усердием по хозяйству... Уговорил даже поехать с подругами из школы в Турцию, развеяться: "Год ведь уж, как траур держишь!"

Лида согласилась. А вернулась совсем другим человеком: загорелая, поздоровевшая, даже повеселевшая. Энергично косила газон, позвала рабочих выложить очаг для пашлыков, затеяла пристрой террасы. Супруг радовался, соседи подбадривали. Появился вдруг на даче у Петровых и пожилой, но очень бодрый помощник. Лида всем представляла его своим знакомым, другом, которого она пригласила помочь, поправить забор... Столько всяких дел накопилось!

Жорж выступал круглосуточно в приспущенных шортах, модной кепке и с обнаженным загорелым пузом. Он тоже отдыхал в Анталье, там с Лидой и познакомились. Теперь она его нещадно эксплуатировала, но и за стол с собой сажала, и рюмку наливала, и на речку через лес купаться вместе ходили. Виталий Семенович версию жены принял безоговорочно, радовался, что она ожила. Но особого панибратства от гостя не принимал: кто он, а кто это балбес, понимай разницу в положении!

А вот соседи и справа, и слева, и те, которые вовсе в отдалении, за ситуацией следили с живейшим интересом. Тонин муж, тоже Семеныч, только Петр, с усмешкой сказал ей:

– Ты посмотри, как она между минами скользит, как лавирует! Ну что ж, естество своего требует... посмотрим, как она на одном поле всё это совместит, а вдруг рванет?

– Да что там рванет, Виталий Семенович уже нас с тобой через раз узнает, а ведь двадцать лет знакомы, сколь раз выпивали за одним столом. Какая уже ему разница, кто тут забор чинит, Лидка их по этажам развела, не встретятся!

И супруги рассмеялись. Но все-таки рвануло, да еще как оглушительно!

Что уж там сверкнуло в голове у старичка, но как-то возвращается Лида с Жоржиком после купания, прямо в своем несусветном бикини, оглашая окрестности русалочьим смехом, а у калитки поджидает, насупившись, супруг. Да поперек этого веселья как влупит по милой парочке отборным матом, откуда только такие выражения взял интеллигент в третьем поколении! Откуда только громовые раскаты в старческом прежде дребезжании взялись, – по всей улице крик был слышен.

Жорж не стал испытывать судьбу, влетел в дом, сумку свою подхватил, и как был в плавках, так через лес к дороге и чесанул. Лида пыталась старика урезонить, уговорить, даже заплакала от напрасно нанесенной обиды, но не тут-то было! Громыхало так, что Тонька, присев за забором, таяла от наслаждения. Всему околотку стало известно, что Лида – шлюха, каких не сыскать, а дом записан на хозяина, и он не позволит, чтобы тут устраивали... И опять следовали крепчайшие выражения. Сосед слева даже восхитился:

– Вот старая гвардия, не сдает позиции! Соблюдает свой интерес!

И глазами на свою жену строго сверкнул, ни с того ни с сего:

– В строгости вас, вертихвосток, надо держать, взяли, понимаешь, волю!

Та в ответ только глаза вытарщила, прямо дар речи потеряла, за что бы ее-то?

Лида со слезами и в полном расстройстве чувств убежала к подруге, что отдыхала на даче через дорогу. Та была находчива, Лиду прекрасно понимала, подхватила непечатую бутылку

виски и пошла "лечить ситуацию", велев обиженной подруге держаться чуть поодаль. И ведь все у бабы получилось!

К изумлению ближнего окружения, через полчаса на террасе у Петровых настроение поменялось на противоположное: выпивали, закусывали, а потом еще и слаженно затагнули про рябину, которая, как известно, тянется к дубу.

Старик, видимо, был вполне удовлетворен изгнанием подозрительного работника, войны с Лидой длить не собирался, а уж той в этот вечер хотелось только мира и сглаживания конфликта! О большем она и не мечтала! На следующее утро от грозы не осталось и следа: Лида посадила своего Семеновича под куст собирать черную смородину, заботливо натягивала полотняную панамку, чтобы солнце лысину не напекло, тот растроганно отмахивался. С соседями она не общалась, некогда, да и не о чем!..

Так это происшествие, позабавившее весь садовый кооператив, тихо и забылось.

Виталия Семеновича супруга похоронила через три года, ему было уже за девяносто. Маленько поплакала, справила поминки, хлопотала о памятнике. Но в сильную горесть больше не впадала. Никто не удивился, когда на даче очень быстро воцарился всем знакомый Жоржик. Отметили только с одобрением, что Лида ему большой воли не давала, гоняла по хозяйству без устали. Она вообще стала очень уверенной в себе, солидной и степенной, после того, как вступила в права наследования. Московская квартира, дача, машина, какой ни на есть мужичонка в подчинении... Удалась жизнь!

8. Вскрыть сейф с алмазами

Генерал был в большом затруднении. Он барабанил пальцами по столу, и то, нахмутив брови, смотрел на лежавшую перед ним бумагу, то отворачивался к окну, размышляя над ее содержанием. Сказать честно, современные экономические преступления вызывали у него тоску и головную боль. Деятельность, откровенно преступная по старым понятиям, уже повсюду процветала, но законов, ее регулирующих, либо совсем не было, либо они менялись так часто, что только в глазах мельтешило! Не любил он неопределенности, зыбкости такой.

Вот и в данном деле: контрабанда алмазов – налицо! Но кругом голоса, что рыночная экономика – в становлении, богатства для того и существуют, чтобы доход извлекать, надо привлекать иностранцев, чтобы свои шибче шевелились, доказывали конкурентные преимущества в борьбе. Поди, разберись...

Он еще раз посмотрел на лежащий перед ним документ: ордер на обыск, который ему следовало завизировать. Слов нет, этот новенький в следственном управлении – очень толковый парень, как говорится, из молодых да ранний. Да сюда, в Лефортово, глупые и не попадают. А Евгений еще студентом не вылезал из арбитражного суда, слушал, как грызутся предприниматели всех уровней, со всеми судьями перезнакомился. Набрался ума, что и говорить.

Год, как служит здесь, а уже хороший послужной список имеет. Вот хоть с махинациями на заводе цветных металлов – быстренько разобрался, доказательную базу на хищения толково собрал, такую группу серьезную отправили в отдаленные места! Как еще директор выпутался... Впрочем, даже если он и был каким-то боком причастен к делу, надолго в струнку вытянется после того, как мы ему авгиевы конюшни прочистили!

Генерал хмыкнул, встал, прошелся по кабинету. Не было у него оснований не доверять следователю Павлову. Но и в разборках с иностранцами спешить не следует. Да, Павлов этих ювелиров хорошо припер, и курьеры уже зафиксированы, и документация на приобретение солидной партии якутских алмазов налицо, и проплата есть... Самых алмазов нет! Бельгийцы уверяют, что ничего через границу не перевозили, все здесь, ждут российской огранки, как и предписано российским законодательством. У Павлова же есть сведения от таможенников, что именно эта фирма многократно пересылала товар... Правда, конкретно алмазов в этих посылках обнаружить не удалось, хорошо, видать затырили! Но парень умудрился даже их переписку с соотечественниками по поводу товара отследить и задокументировать!

На последнем допросе бельгийские фирмачи строили обиженные лица, уверяли, что весь сырой материал ждет в сейфах, когда они подберут огранщиков покруче и подешевле. А после того собеседования и вовсе все куда-то пропали! В офисах только девочки глазки строят: "Шеф в отъезде, когда будет – неизвестно!" Вот и возьми их вместе с этими неприступными сейфами.

Павлов по молодой горячности требует обыска: вскрываем сейфы, и если там пусто, налицо противоречие между показаниями о наличии алмазов и их реальным отсутствием. Ну да, если там действительно пусто – мы выиграли! А если всё в наличии, а мы осуществили вскрытие, испугали иностранных партнеров?... Мы такой скандал получим, только держись!

Он нажал кнопку звонка и кинул секретарше, тотчас появившейся в дверях:

– Зови Павлова из экономического!

Лейтенант появился незамедлительно, и какой же он был... молоденький, вот доверься такому! Генерал сделал строгое лицо и, окончательно определившись, присудил:

– Значит так, Евгений, ты все это раскрутил очень толково, я тобой доволен. Но вскрытие, обыск без хозяев в иностранной фирме мы предпринимать не можем. Хотя... Ты, конечно, по молодой горячности можешь на свой страх и риск следственные действия учинить, кто тебя может остановить! Если всё выйдет, как ты говоришь, я тебе и потом этот ордер подмахну! А пока... У них начальство в отъезде, и у тебя – тоже. Не застал ты меня.

– Есть, товарищ генерал, я все понял, – сдержанно ответил лейтенант. – Разрешите идти? Я ордер заберу?

– Да-да, ступай, не задерживаю.

Нормальный разговор вышел, приятно, что парень такой понятливый. Генерал нажал кнопку, и секретарша пошла заваривать ему крепкого кофе: заработал, нашел выход из щекотливой ситуации.

А Павлов, сунув в свою папку ордер, лихорадочно соображал, как ему все-таки довести до конца безусловно выигрышное дело. Если генерал уклонился, бригаду с оборудованием на вскрытие ему точно никто не даст. А сейфы у бельгийцев такие, что гвоздиком либо отмычкой не вскрыть. И промедлить нельзя, неизвестно ведь, что фирмачи задумали, куда подались, какую крышу ищут... На кону – шикарный куш, игра свеч стоит, уж они сейчас землю копытом роют!

Евгений перебирал в уме свои еще совсем малые возможности – всё не годилось! Хотя... Вот это, пожалуй, круто будет!

Буквально через час он уже был в знакомом донельзя по предыдущему громкому делу здании управления завода цветных металлов. Секретарша генерального директора, увидев его, заполошно вскочила: помнила еще!

– Директор на месте?.. Не надо докладывать, он ждет меня.

Девица только растеряно кивнула. Еще больше испугался директор, так же непроизвольно поднявшийся навстречу худенькому пареньку:

– Евгений Александрович?.. А вы разве с нами еще не закончили? Я думал...

– Закончил, закончил, все позади, Максим Петрович! – успокоительный жест и протянутая для рукопожатия рука немного привели директора в чувство. – Я, собственно, хочу у вас помощи попросить. Нам надо иностранных воругов прижать покрепче, а с оборудованием современным, сами знаете, у бюджетников всегда туговато...

– Да чем же я могу, только скажите! – глаза Максима Петровича, почти вернувшегося к жизни, горели готовностью к сотрудничеству!

– По вашим меркам сущая малость, – улыбнулся Павлов, – болгарку серьезную надо, чтобы сейф взрезать, ну и молодежь, которые с нею управляться способны.

– Евгений, Александрович! Да мы с вами чайку не успеем выпить, как всё найдется! Оксана, звони главному инженеру, немедленно, да чай нам приготовь, быстро! Садитесь, товарищ лейтенант, конечно, поможем, поспособствуем, я вам и транспорт дам, далеко они залегли, иностранцы эти?

Пошутили, чаю попили, и, действительно, всё на этом заводе нашлось! К обеду Павлов со своей бригадой заявился в офис бельгийской компании с диктофоном и камерой, под запись произвел следственные действия. Мужики безжалостно раскурочили дорожные иностранные сейфы, зафиксировали с понятиями, что кроме пустых фирменных пакетиков от якутских добытчиков в них ничего нет. Пусто, как Павлов и предполагал! А то с чего бы эти фирмачи так упорно уклонялись от предъявления следствию алмазов? Всё успели перебросить через границу!

На следующий день генерал, похвалив активного следователя, подписал ему задним числом ордер, назидательно при этом промолвив:

– Тоже хорошая школа, Евгений, надо уметь брать на себя ответственность, особенно, если ты в себе уверен! А не уверен – и не суйся, верно ведь?

– Верно, товарищ генерал, – широко улыбнулся молодой следователь. – Тут я благодарственное письмо за содействие директору завода принес, подпишете?

– Еще чего! Много чести ему будет, пусть сам тебе благодарен по гроб жизни будет!

– Да ладно, он ведь и правда был к тому делу не причастен... А можно, я тогда сам подпишу? Он здорово нас выручил!

– Подписывай, не возражаю, ты все-таки молодец, будут знать эти контрабандисты, ювелиры чертовы, что Контора наша ещё очень даже в силе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.